

В. Х. Гильманов

**МЕТАКРИТИКА
VS. КРИТИКА
ЧИСТОГО РАЗУМА**
(послесловие к публикации)

**І. «Чистый разум»
как опасность деонтологизации бытия**

Второй этап борьбы Гамана за «чистый разум» в полемике с Кантом связан с не опубликованной при жизни работой, которую можно считать его главной попыткой системной критики основного трактата эпохи Просвещения. В письме к Гердеру от 8 декабря 1783 года Гаман объявляет о том, что его критика «Критики чистого разума» Канта будет носить название «Метакритика пуризма разума». Спустя шесть недель Гаман пишет Гердеру о том, что его замысел не удался, но что он все же кое-что написал, дабы предать бумаге основную мысль. В письме от 23 августа 1784 года Гердер просит Гамана прислать ему копию этого текста о трактате Канта, которую Гаман отправляет 15 сентября 1784 года. Гердер, всегда считавший Гамана своим учителем, находит его работу достойной всякого внимания, собственноручно переписывает текст Гамана и 2 ноября 1784 года отправляет копию Фридриху Генриху Якоби.

Как и рецензия, написанная Гаманом еще до выхода «Критики» Канта в свет, при жизни эта гамановская работа ни разу не была опубликована. Впервые как самостоятельное произведение она была издана Йозефом Надлером в подготовленном им полном собрании сочинений Гамана [4, т. 3, с. 281–289]. Оригинал, написанный рукой Гамана, затерялся, однако текст сохранился благодаря нескольким копиям: три из них были использованы Й. Надлером. Это копии, сделанные двумя из многочисленных адресатов Гамана – Гердером и Иоганном Фридрихом Клойкером; третья копия сделана рукой сына Гамана – Иоганном Михаэлем Гаманом.

В «Метакритике» Гаман предпринимает попытку системной критики Канта, формулируя при этом основные поло-

жения своей альтернативной теории. В отличие от большинства своих работ, в «Метакритике» Гаман фактически отказывается от какой-либо «криптичности», то есть от той стилистики, которая является его главным средством борьбы с Просвещением. Основа этой стилистики — соединение апокалиптической серьезности и иронической игры с текстами противников за счет эффектной методики «центонов». В работе о Канте, однако, свои критические доводы Гаман формулирует ясно и открыто. Идеальным ландшафтом, на котором разыгрывается его битва за «чистоту разума», стал один из важнейших дискурсов влияния на Канта, а именно — учение Юма. Гаман — его внимательный читатель и переводчик. В 1771 году гамановский перевод «Трактата о человеческой природе» Юма был опубликован в двух приложениях к «Кёнигсбергской ученой и политической газете» („Königsbergische gelehrte und politische Zeitungen“) [4, т. 4, с. 364–370]. Гаман перевел также «Диалоги о естественной религии» Юма и передал свой перевод Канту.

Текст «Метакритики» Гамана открывает почти дословная цитата из главы 7 «Об абстрактных идеях» части I «Трактата о человеческой природе» Юма:

Один великий философ утверждал, что все общие идеи суть не что иное, как идеи особенные, присоединенные к некоторому слову, которое придает их значению больший объем и вызывает при случае в памяти сходные с ними другие индивидуальные идеи отдельных вещей². Это утверждение элеатского мистика-фантазера Джорджа Беркли, епископа в Клойне, Юм объявляет одним из величайших и значительнейших открытий, сделанных за последние годы в области наук. <...> Что же касается самого важного открытия, то, кажется мне, что суть его без особого глубокомыслия очевидным образом заключена просто-напросто в том, что наиболее типичное восприятие вещей и их наблюдение, то есть *Sensus communis*, находят свое выражение в языковом употреблении [4, т. 3, с. 283].

В данном пассаже Гаман обращается к психологической теории универсалий Юма, которая сводима к следующим основным положениям.

1. Идеи суть образы чувственных впечатлений в нашем мышлении: «Под идеями же я буду подразумевать слабые образы впечатлений в мышлении и рассуждении» [2, с. 57].

2. Общие, или абстрактные, идеи невозможны: «...предполагали, что наши абстрактные идеи не представляют какой-либо определенной степени количества или качества. Но я постараюсь выяснить ошибочность этого заключения, во-первых, доказав, что совершенно невозможно представлять себе какое-либо количество или качество, не образуя точного представления о его степенях» [2, с. 76].

² Ср. с текстом Юма: «Один великий философ оспаривал общепринятое мнение относительно данного вопроса и утверждал, что все общие идеи суть не что иное, как идеи особенные, присоединенные к некоторому термину, который придает им более широкое значение и заставляет вызывать при случае в памяти другие индивидуальные [идеи], сходные с ними. Так как я признаю это [положение] одним из величайших и значительных открытий, сделанных за последние годы в области наук, то постараюсь подкрепить его некоторыми аргументами, которые, надеюсь, поставят его вне всяких сомнений и споров» [2, с. 75].

3. Единичная идея получает общее значение, соединяясь с общим именем: «Особенная идея становится общей, будучи присоединена к общему имени, т.е. к термину, который благодаря привычному соединению со многими другими особенными идеями находится в некотором отношении к последним и легко вызывает их в воображении» [2, с. 81].

4. Ассоциативное действие общего имени, посредством которого единичная идея получает общее значение, основано на определенной привычке: «Слово пробуждает единичную идею наряду с определенной привычкой, а эта привычка вызывает любую другую единичную идею, которая может нам понадобиться» [2, с. 79].

То есть, исходя из приведенных выше положений, следует заключить, что теория общего значения единичных идей, разработанная Юмом, является по своей сути теорией денотативного психологизма: денотативное значение общего имени соотносит с ним определенный класс референтных единичных идей. Гаман не скрывает того, что согласен с этой теорией Юма, будучи убежден, что всеобщность какого-либо понятия для определенного ряда означаемых объектов обуславливается связью единичных восприятий этих объектов посредством языка, однако Гаман, в отличие от Юма, основывает свое понимание на убеждении о гетерономном характере языка.

Полемика Гамана с теорией «чистого разума» концентрируется вокруг тезиса о «двойном источнике всякой двусмысленности», которым выступают язык и разум, неразрывно связанные друг с другом. Кант стремится преодолеть всякую «двусмысленность выражения», из-за которой «мы обыкновенно думаем, будто предикат таких аподиктических суждений уже содержится в нашем понятии и, стало быть, суждение аналитическое»: ему это необходимо для обоснования возможности априорных синтетических суждений. Гаман отрицает такую возможность, критикуя ее через положение о неизбежности индивидуального характера анализа и синтеза, протекание которых основывается только на обмене языковыми знаками. Анализ как «восприимчивость субъекта к предикату» и синтез, «основанный на спонтанности наших понятий», оказываются с неизбежностью индивидуальными, поскольку для каждого соответствующего принципа реальности, или «формы жизни», «неизбежен другой язык». Соответственно, неизбежны «другие представления, другие имена для одних и тех же предметов, кои каждый означает с точки зрения своей необходимости или свободного воления» [3, т. 7, с. 162].

По мнению Гамана, «Критика чистого разума» знаменует промежуточный этап в окончательной чистке, проводимой философией в отношении всего того, что связывает разум с истиной и что неизбежно приведет его к полной экс-ценденции из бытия. Эта чистка проходит в трехшаговой последовательности:

Первая очистка разума философией заключалась прежде всего в попытке, частью незамеченной и непонятой, частью неудавшейся, сделать разум независимым от всякого предания и традиции, а также от веры в них. Вторая оказывается еще трансцендентней и представляется не чем иным, как попыткой независимости разума от всякого опыта и его повседневной индукции. <...> Для третьего высшего пуризма, достигающего огнивости Эмпирия, остается только еще язык, единственный — первый и последний — органон и критерий разума, у коего нет иного кредита, кроме как предания и узуса.

В первой чистке, среди участников которой Гаман подразумевает и Декарта, и Локка, и Юма, и других, философия стремилась очистить разум от предания, традиции и веры. Второй шаг, по оценке Гамана, делает Кант, проводя трансцендентальное обоснование чистого разума. Последним шагом к полной очистке будет, по Гаману, попытка окончательного высвобождения разума от языка. Но эта попытка безнадежна, поскольку именно язык является глубинной основой разума, общей корневой системой рассудка и чувственности. Вот почему Гаман считает необходимым метакритику «Критики чистого разума» со стороны языка, поскольку только язык — это главное место встречи разума с бытием, а точнее — само бытие. В письме к Ф.Г. Якоби от 30 апреля 1787 года он пишет: «То, что в твоём языке Бытие, я хотел бы назвать лучше Словом» [3, т. 7, с. 175].

Гаман считает, что его время — это время «болезни» языка, поскольку оно знает только обесцененное слово, выступающее как произвольный конвенциональный знак, как результат абстрагирования. Это время не знает созидательной силы первосилы того Слова, которое подымается в непосредственной мощи из глубины жизни, давая в своем откровении имя тому невидимому, что до времени было еще божественной тайной. Гаман упрекает «философские времена» в злоупотреблении языком, что дает повод для бесчисленных недоразумений. В письме к Ф.Г. Якоби от 5 декабря 1784 года он пишет:

У метафизики есть свой школьный и придворный языки; оба мне подозрительны... Я подозреваю, что вся наша философия состоит больше из языка, чем разума; и недоразумения бесчисленных слов, маскарады произвольных абстракций, антитезы сочинителей с добрыми намерениями, даже самые общие фигуры речи *sensus communis* — все они произвели целый мир вопросов, появление которых вряд ли можно объяснить наличием какой-либо разумной причины, так же как вряд ли есть причина искать ответы на них. Корень в том, что по-прежнему не хватает грамматики разума [3, т. 5, с. 272].

Гаман считает, что именно укорененность в языке открывает рефлектирующему разуму возможность абстрагирующей инструментализации языка в своих целях, поскольку «язык есть также срединный пункт разногласия разума с самим собой». Еще в своих ранних дневниковых заметках в 1750-е годы Гаман, комментируя библейскую историю о строителях Вавилонской башни и о смешении языков, писал:

Каждый в Вавилоне понимал свой язык и никто — язык другого; у Декарта — свой разум, у Лейбница — свой, Ньютон понимал разум по-своему; поэтому каждый из них понимает лучше прежде всего себя. Нам, чтобы различать их понятия, нужно выучить их языки: мы должны проверить их материалы, мы должны исследовать намерения их научных построений, их основания, конечный пункт и результат их движения, исследовать достоверно, а не на основании их обещаний и предположений, которые они обрушивают на нас в виде принципов, пережитого опыта и заключений и т.д. [4, т. 1, с. 30].

На этом фоне довольно коварным оказывается само название «Метакритика пуризма разума», поскольку, с одной стороны, в нем указание на главное намерение Канта по «очистке разума», но, с другой — доведение *ad absurdum*, прежде всего за счет буквального употребления центрального слова «чистый». Кантовская «Критика» — попытка определения «чистого разума», т. е. того, что существует в разуме до всякого опыта.

Как известно, ответ Канта на вопрос об «условиях возможности познания» гласит: наш мозг структурирован таким образом, что мы воспринимаем окружающий мир в форме пространства и времени, абсолютно независимо от того, есть ли пространство и время сами по себе в действительности. Чем в действительности является «вещь в себе», об этом мы сказать ничего не можем — возможности нашего познания ограничены рамками наблюдения над законами функционирования нашего собственного мышления. Выражаясь современным языком, наш мозг содержит грамматику компьютерного языка, в которой он этим языком запрограммирован. Гаман считает этот поиск «чистого разума», существующего до всякого опыта, совершенно бессмысленным и выражением завышенной оценки человеком самого себя. Сознательно показывая, что он не понимает, что такое «чистый разум», Гаман стремится обнаружить мыслительную ошибку Канта: разум человека никогда не может быть «чистым», потому что он всегда неизбежно привязан к телесности и поэтому неизменно запятнан чувственностью.

Эта рефлексия не может быть, конечно, постигнута логическими средствами. Поэтому Гаман меняет уровень своей аргументации и обращает внимание на действительно самое слабое место у Канта: философ не поставил проблемы языка. Он обращается с языком как с инструментом, позволяющим ему манипулировать идеями. Но это неверно, поскольку разум всегда вынужден работать со словами, а сами слова никогда не могут быть «чистыми». Каждое слово и каждое грамматическое сочетание всегда ситуативно обусловлено, имеет свою историю и должно поэтому со всей серьезностью учитываться в их чувственной специфике. Одним словом: поскольку разум не может обойтись без языка, он навсегда останется «нечистым».

Здесь мы находим то, что сегодня именуется «лингвистический переворот» — серьезный учет языка в теории познания. В этом свете всеокрушающий Кант предстает скорее как наивный мыслитель: основатель «критической философии» стал жертвой собственного языка и на самом деле работал совершенно некритичным образом, поскольку не обратил рефлексии на свое собственное детище:

Уже на имени «метафизика» лежит проклятие родовой травмы и проказа двусмысленности, которая не может быть устранена, или еще меньше просветлена, даже за счет обращения к его месту рождения в случайном синтезе греческого предисловия. Но если даже предположить, что в трансцендентальной топике существует меньшая зависимость от эмпирического различия «за» и «над», чем зависимость *a priori* и *a posteriori* от *hysteron* — *proteron* (= последующее как предыдущее), то все равно родимое пятно имени «метафизика» распространяется от макушки до печенки всей современной науки, и ее терминология соотносится с каждым другим языком, будь то язык искусства, кормовых угодий, горнорудного дела или школы, подобно тому, как ртуть соотносится с другими металлами [4, т. 3, с. 285].

Ошибка Канта заключается, таким образом, прежде всего в непризнании того, что язык есть «основной центр недоразумения сознания с самим собой». До тех пор, пока разум отказывается от рефлексии по поводу собственного медиума, он не сможет постичь самого себя должным образом и пребудет в заблуждении. Притязание Канта на познание «чистого разума» разоблачается Гаманом как чистая уловка «считания себя правым», как

очередное выражение гибридности автономного принципа, не только не готового, но и не способного к смирению веры. Кант стремился к невозможному: он хотел постичь абсолют мышления; по мнению Гамана, мышление всегда относительно, потому как всегда исторично: «Первая очистка философии, отмеченная недоразумениями и тщетой, заключалась в попытке освободить разум от всякой зависимости от предания, традиции и веры» [4, т. 3, с. 284].

Этому пуризму разума Гаман противопоставляет человеческую чувствительность в ее историческом развитии. В то время как профессиональный философ полагает, что пространство и время суть категории *a priori*, мыслитель-любитель видит в них итог развития человеческой культуры:

Древнейшим языком была музыка, и именно она вместе с чувственным ритмом биения пульса и дыханием жизни в лице есть телесный первообраз всякой меры времени и его числовых отношений. Древнейшим письмом были живопись и рисунок, и именно они издревле занимались экономией пространства путем его ограничения и определения в фигурах. Вот отчего понятия времени и пространства путем настойчивого и даже чрезмерного влияния двух самых благородных чувств — зрения и слуха — сделались столь же всеобщими и необходимыми, как свет и воздух для ока, уха и голоса, и вот почему пространство и время кажутся ну если не *ideae innatae*, то, по меньшей мере, *matrices*³ всякого познания в созерцании [4, т. 3, с. 286].

То, что отличает Гамана в истории философии, — это его критика Просвещения с главным упреком в том, что Просвещение подумало обо всем, подвергло критике все, кроме своих собственных иллюзий. В глазах Гамана Просвещение прежде всего потому не просвещенно, что, выступая против всяческих предрассудков, оно девальвировало ценность истинной веры, не заметив при этом самого большого предрассудка, а именно — ложного предмнения о том, что мы можем свободно владеть языком и что язык является безвольным инструментом, обеспечивающим нам прямой доступ к истине.

В «Метакритике» Гаман не скрывает того, что подозревает Канта в создании плана для строительства новой Вавилонской башни, хотя уверен, что «стройматериалы для плана здания⁴ добыты из уже известных категориальных и идейных лесов или позаимствованы с перипатетических и академических складов». «Закладным камнем» в этом плане выступает пуризм разума, основанный на «минимуме языка», лишаящего разум его «грамматики жизни». Гаман понимает язык в богословском ключе, и именно поэтому его битва за «чистый разум» против Канта становится битвой двух парадигмальных дискурсов — богословия и философии. «Максимум языка» в богословии Гамана — в его гетерогенности, в его сущностно онтологической функции опосредования внутреннего и внешнего миров, но именно в этом опосредовании задается бытие. В языке, в имени и через

³ Матрица, материнская основа (лат.).

⁴ Ср.: «Между тем смелое предприятие, упомянутое выше, должно было закончиться неудачей из-за недостатка материала, не говоря уже о смешении языков, которое неизбежно должно было вызвать разногласие среди строителей по поводу плана и рассеять их по всему миру, дабы всякий начал строить самостоятельно по своим собственным наброскам. Теперь нас интересуют не столько материалы, сколько план здания» [1, с. 524].

«нарекание имен в духе» человек соединяет несамобытный мир с Богом. Разум, по Гаману, есть язык в его контингентной процессуальности, и поэтому разум как процесс, а не как метафизическая фикция пуризма задает способ бытия или небытия. В письме к Ф.Г. Якоби от 1 декабря 1784 года он пишет: «To be or not to be? That is the question? — Бытие есть, без сомнения, Одно и Всё каждой вещи. Но быть древней метафизики превратилось, к сожалению, в идеал чистого разума, кой, однако, сам по себе не может решить вопроса о бытии и небытии этого идеала» [3, т. 5, с. 264].

В конечном итоге, полагает Гаман, пуризм чистого разума, основываясь на идеале математизации онтологии, ведет к деонтологизации природы, поскольку, по Канту, «хотя материя всех явлений дана нам только а posteriori, форма их целиком должна для них находиться готовой в душе а priori и потому может рассматриваться отдельно от всякого ощущения» [1, с. 63]. По Гаману, подмена реальных вещей бытийно опустошенными формами чистых понятий рассудка неизбежно приведет к возведению этих субъективных условий в статус объективных законов природы, что он вычитал и в трактате Канта: «Следовательно, мы сами вносим порядок и закономерность в явления, называемые нами природой, их нельзя было бы найти в явлениях, если бы мы или природа нашей души не вложили их первоначально» [1, с. 640].

На фоне происходящих в Новое время процессов дегуманизации и технизации знания вряд ли вызывает сомнение обусловленность озабоченности Гамана по поводу опасности деонтологизации природы в контексте его спора с Кантом. Это доказывает то, что в поле напряжения между великим кантовским трудом и почти незамеченными в истории работами Гамана борьба за «чистый разум» продолжается.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Юбилейное издание 1794—1994 / под ред. А.В. Гульги. М., Т. 3.
2. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1 : О познании / пер. с англ. С.И. Церетели. М., 1995.
3. *Natann J. G.* Briefwechsel. Bd I—III, hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden, 1955—1957; Bd IV—VII, hrsg. von A. Henkel. Wiesbaden, 1959; Frankfurt am Main, 1965—1979.
4. *Natann J. G.* Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. 6 Bde. Wien, 1949—1957.

Об авторе и переводчике

Гильманов Владимир Хамитович — д-р филол. наук, проф. кафедры зарубежной филологии факультета филологии и журналистики Балтийского федерального университета им. И. Канта, gilmanov.wladimir@rambler.ru

About the Author and Translator

Prof. Vladimir Kh. Gilmanov, Department of International Philology, Faculty of Philology and Journalism, Immanuel Kant Baltic Federal University, gilmanov.wladimir@rambler.ru